

СТАНИСЛАВ ВТОРУШИН

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

РАССКАЗ

Эля Семеновна Клячкина посмотрелась в зеркало, поправила пальцами прическу и, слегка прищурившись, уставилась на левую бровь. Ей показалось, что одна волосинка выбивается из ровной дугообразной линии и придает брови некрасивый вид. Она неторопливо достала из сумочки маленький блестящий пинцет и, сморщившись, выдернула не вписавшуюся в стандарт волосинку. Затем повязала голову черным шелковым платком, еще раз взглядела в зеркало и, не найдя больше в себе никаких изъянов, направилась на автобусную остановку.

Вот уже три года подряд в день святой родительской субботы перед праздником Троицы она отправляется на кладбище на могилу мужа, умершего на ее глазах ночью от инфаркта. Эля Семеновна гордится могилой, памятником, который она поставила, и посещение кладбища стало для нее главным смыслом жизни. В автобусе она садится у окна, отрешенно смотрит на мелькающих за стеклом прохожих и думает о том, как хорошо иметь то, что выше тебя, что вечно, что уже не изменить и не исправить, чему можно только поклоняться. На пространстве, огороженном низенькой железной оградкой, внутри которой только небольшой зеленый холмик с мраморным памятником, время остановилось. Здесь можно думать лишь о высоком.

ВТОРУШИН Станислав Васильевич родился в 1938 году в г. Новосибирске. Вырос на Алтае. Закончил Алтайский политехнический институт и отделение журналистики ВПШ при ЦК КПСС. Работал в газетах "Алтайская правда", "Красное знамя" (Томск), двадцать лет был собственным корреспондентом "Правды" в Тюмени, Новосибирске, Праге. Автор десяти книг прозы и поэзии. Лауреат премии имени Алексея Толстого и Демидовской премии. Член Союза писателей России. Живет в Барнауле.

Эле Семеновне за пятьдесят. У нее круглое ухоженное лицо, такие же ухоженные белокурые волосы, и если бы не выпирающий живот и толстые бедра, делающие ее коротышкой с отвислым задом, она бы до сих пор могла пользоваться успехом у мужчин своего возраста. Но о мужчинах Эля Семеновна не думает. Никаких чувств у нее к ним нет.

Еще в школе она определила для себя, что настоящий человек должен посвятить свою жизнь чему-то возвышенному.

В старших классах она стала приглядываться к своим сверстникам, но ни в одном из них не находила ничего выдающегося. Между тем все ее подружки сходили с ума от учившегося в десятом “Б” Эдика Стрекалова. Эдик был гимнастом, на городских соревнованиях выиграл звание чемпиона. Его посылали на всероссийские, но там он то ли повредил, то ли потянул какую-то мышцу и выступить не смог. Больше всех в него была влюблена Светка Баранова. Дергая за рукав Элю, когда Эдик проходил мимо, она полупшепотом говорила ей в самое ухо:

— Ты только посмотри, Элька, какие у него плечи. А руки! Я бы все отдала, чтобы хоть раз покачаться на его руках.

О том, что могла отдать Эдику Светка, не надо было и спрашивать. Эля внимательно смотрела на школьного гимнаста. Был он стройным, мускулистым, с немного бледным, но чистым, волевым лицом и коротким ежиком самой модной в то время прически. Такую можно было сделать только в Москве. Эля вздохнула и сказала:

— Эдик — парень что надо.

А про себя подумала: а почему бы не стать спутницей великого спортсмена? На следующий день, надев спортивный костюм, она пошла в гимнастический зал, где тренировался Эдик. Подождав, пока он закончит упражнения на кольцах, она подошла к нему, изобразив на лице самую невинную улыбку, и попросила:

— Эдик, помоги мне стать гимнасткой.

— Ты можешь подтянуться? — нисколько не удивившись, спросил Эдик.

— Не знаю, не пробовала, — откровенно призналась Эля, растерянно посмотрев на висевшие над головой кольца.

— Давай я тебя подсажу. — Эдик ухватил ее крепкими ладонями за талию (тут она сразу же вспомнила Светку, которая хотела покачаться на его руках) и осторожно поднял вверх.

Эля уцепилась за кольца и попыталась подтянуться на руках, вытянув ноги под углом девяносто градусов, как это делал Эдик, но у нее ничего не получилось. Повисев несколько мгновений, она разжала руки и мешком свалилась на пол. При этом приземлилась так неловко, что даже ойкнула.

— Подвернула ногу? — испуганно спросил Эдик, сразу наклонившись к ней.

— Не знаю, может быть, — тихо ответила Эля, осторожно вытягивая и поглаживая левую ногу.

Эдик одной рукой взял ее за лодыжку, другой за носок кроссовки, несколько раз согнул и разогнул ступню, повертел из стороны в сторону. Эля почувствовала, что начинает дрожать от прикосновения его рук. Ей вовсе не было больно, просто эти прикосновения неожиданно вызвали учащенное сердцебиение. Ей стало одновременно и радостно, и страшно. Чтобы не смотреть в лицо Эдику, она закрыла глаза.

— Кажется, ничего серьезного, — сказал он, отпуская ногу и помогая Эле подняться. И от одной этой фразы, произнесенной участливым тоном, сердце Эли забило еще сильнее.

С тренировки он проводил ее до дому. На следующий день все девчонки школы узнали об этом. Первой к ней подбежала Баранова.

— Он тебя целовал? — дрожащим голосом спросила она, заглядывая Эле в глаза.

И Эля поняла, что благодаря Эдику она в один миг поднялась над всеми девчонками. Она стала для них недосягаемой. И этой высоты она уже не хотела отдавать никому. С Эдиком они не целовались, но, опустив глаза, Эля сказала с напускнутой небрежностью:

— Всего два раза. Да и то, когда уже начали прощаться.

— В губы? — наклонившись к Элиному лицу, Баранова просто пожирала ее горящими глазами.

— Ну а куда же еще? — не понимая, почему это так важно для подружки, засмеялась Эля.

С этого момента Эдик стал для нее божеством. Она хотела всем своим существом служить ему, чтобы купаться в лучах его ослепляющей славы. Незадолго до выпускных экзаменов, теплым майским вечером на берегу реки, где дурманяще пахла цветущая черемуха, осыпавшая белые лепестки прямо на голову Эле, она отдала Эдику то, на что намекала Светка Баранова. Эля думала, что после этого у них с Эдиком наступит любовь, которую люди, живущие высокими целями, называют вечной. Но, встретившись с ней еще несколько раз под отцветающей черемухой, Эдик охладел к Эле. Сдав экзамены, он уехал на соревнования не то в Минск, не то в Ростов, и больше они с ним не встретились.

После этого случая Эля решила, что ни одному мальчику верить нельзя. Их интересует только то единственное, что есть у девушки. Ни о чем другом, тем более о том, что бы связать с кем-то свою жизнь, они не хотят и думать. Но сама Эля не переставала мечтать о высоком.

На втором курсе института культуры, куда она поступила, в самом начале учебного года случился переполох. Прибежав утром на занятия, девчонки увидели, что в лекционном зале за одним из столов сидит негр. На его черном, лоснящемся, словно вакса, лице выделялись только похожие на фарфоровые белки глаз с красными прожилками. Увидев девушек, негр улыбнулся. Его улыбка оказалась ослепительно белозубой и располагающе приветливой. Это был аспирант из Танзании Бабу Мпенза, собиравший материал для диссертации о подготовке кадров учреждений культуры в России.

Танзаниец вполне сносно объяснялся по-русски. Из всех студенток он сразу выделил Элю. Может быть, потому, что она была белокурой, а может быть, из-за осторожно любопытного взгляда, которым она его одарила.

Вечером Эля увидела танзанийца в своем общежитии. Оказалось, его поселили в отдельной комнате на том же этаже, где жила она. Эля пошла в вестибюль посмотреть с девчонками телевизор и в коридоре чуть не налетела на Бабу Мпензу. Высокий и стройный, он был одет в плотно облегающую мускулистое тело белую футболку и такие же шорты, на ногах у него были роскошные белые кроссовки. Одежда так подчеркивала его физические достоинства и так контрастировала с черной кожей, что Эля невольно остановилась. Танзаниец расценил это как знак внимания к своей персоне и заговорил с ней. Даже спустя много дней Эля не могла понять, почему так быстро они с ним познакомились, перешли на ты, и она очутилась в его комнате.

Танзаниец усадил ее в кресло у окна, в течение нескольких мгновений приготовил ароматнейший кофе (как говорили потом девчонки, его запах разнесся по всему коридору), положил на столик перед Элей коробку хороших шоколадных конфет.

Эля была в короткой юбке и испытывала смущение из-за своих слишком открытых ног. Это стесняло ее, делало скованной. Но за весь вечер Бабу Мпенза ни разу не остановил взгляда на ее коленках. Он расспрашивал о дисциплинах, которые преподаются в институте, о том, куда после его окончания направляются выпускники, особенно подробно интересовался работой сельских библиотек. Чувство неудобства прошло, Эля расслабилась и теперь уже с любопытством рассматривала своего нового знакомого.

У него был умный взгляд, интеллигентные манеры и большое чувство собственного достоинства. Он словно одаривал Элю каждым своим словом, каждым жестом. А когда танзаниец начал рассказывать о родине, о могучих тропических лесах и бескрайней саванне, в которой рядом со слонами и львами живут добрые, искренние, доверчивые люди, всеми силами стремящиеся к современной цивилизации, Эля почувствовала, что начинает умирать от зависти к нему. Бабу Мпенза посвятил жизнь просвещению своего народа, устройству библиотек, организации художественных выставок, выявлению талантливых детей, которых надо обучать в культурных центрах

Европы. Это была высокая цель, наполняющая всю жизнь особым смыслом.

Сделав паузу во время своего длинного рассказа, танзаниец посмотрел на Элю улыбающимися глазами и сказал:

— Нам очень не хватает хороших специалистов по культуре. Если бы к нам могла приехать такая девушка, как вы, мы бы устроили в стране культурную революцию.

Эля почувствовала, что у нее снова учащенно застучало сердце и ей стало не хватать воздуха. Поехать в Африку, где рядом со слонами и львами живут добрые и доверчивые люди — да кто же не мечтает об этом? Но она промолчала потому, что сначала надо было перевести дыхание.

— А что нужно сделать, чтобы поехать к вам? — щелкая от возбуждения дрожащими пальцами, спросила Эля.

— Только одно — собственное желание, — улыбаясь, ответил Бабу Мпенза.

С этого дня Эля стала неразлучной спутницей танзанийца. Он подарил ей такие же футболку и шорты, в каких ходил сам, и она подумала, что все культурные люди Африки одеваются в белые спортивные одежды. Ведь человек выглядит в них так красиво. Эля просто заболела Танзанией и жителями саванн, которые с нетерпением ждали встречи с ней.

Через неделю, когда она сидела у Бабу Мпензы в том же кресле, что и первый раз, он положил на столик чистый лист бумаги, насыпал на него щепоть белого порошка, достал тоненькую трубочку и с наслаждением втянул через нее порошок в ноздри.

— Хочешь попробовать? — спросил он Элю, сверкая фарфоровыми белками.

— Что это? — осторожно спросила она.

— Эликсир жизни. Секрет его приготовления знают только самые знаменитые колдуньи Африки.

Эля втянула кокаин сначала в одну ноздрю, потом в другую. Через некоторое время она почувствовала, как по всему телу разливается блаженство. Ей стало так хорошо, словно она очутилась в неведомой, сказочной стране. У нее за спиной появились крылья. Смеясь и замирая от восторга, она то поднималась к самому небу, то опускалась на поверхность моря и, не жась, качалась на его теплых, прозрачных, ласковых волнах.

Бабу Мпенза взял Элю за тонкую горячую руку, поднял с кресла и пересадил на кровать. Осторожным, но уверенным движением снял с нее сначала футболку, затем шорты. Эле казалось, что все это происходит во сне и не с ней, поэтому, глядя на него, она только смеялась, словно от щекотки. Потом она почувствовала, как на нее навалилась громадная черная глыба, непривычно пахнущая незнакомым ей резким запахом пота. Этот пот тонкими струйками стекал ей на лицо, на грудь, попадал в глаза и на губы. В одно мгновение Эля стала мокрой. Когда глыба сползла с нее, Эля еще долго лежала на кровати, приходя в себя и выравнивая сорвавшееся дыхание.

Сеансы с кокаином и всем, что следовало за этим, продолжались почти два месяца. За это время о Танзании и ее добрых людях не было произнесено ни слова. Эля не ощущала ни себя, ни реальной жизни, проходящей за стенами комнаты. Все ее существование было подчинено только одному — служению танзанийцу. Но в одно прекрасное утро Эля, проснувшись и чувствуя себя совершенно разбитой, обнаружила, что Бабу Мпенза исчез. Оказывается, он улетел в Москву, не предупредив и даже не разбудив ее. Эля ждала от него писем или хотя бы открытку, но Мпенза словно растворился. По всей видимости, вернулся в свою Африку. А Эля узнала, что у нее беременность уже на третьем месяце. Пришлось делать аборт. С тех пор Эля возненавидела детей.

Закончив институт культуры, Эля не смогла стать ни артисткой, ни режиссером, ни организатором художественной самодеятельности. Ей казалось, что ее или не понимали или не могли по достоинству оценить талант. Тогда она стала писать рецензии на спектакли и цирковые представления. Некоторые из них, правда, сильно сократив, напечатали в местных газетах. И она с удивлением обнаружила, что режиссеры и артисты, еще недавно не заме-

чавшие ее, стали снимать шляпы, едва она показывалась перед их глазами.

Эля быстро стала своей в театральной богеме. Вскоре она вышла замуж за главного режиссера областного молодежного театра, о котором говорили, что его таланту может позавидовать любая столица. Но оказалось, что у него был роман со всеми ведущими актрисами. Когда речь заходила о новом спектакле и начинался дележ ролей, фурии режиссера, отшвыривая друг друга от дверей, врывались к нему в кабинет, и каждая требовала, чтобы главную роль он отдал только ей. И все подряд вспоминали, кому и что он обещал в постели. Во время одной такой сцены Эля случайно зашла в кабинет своего мужа. Выйдя от него, собрала вещи и откочевала на свою старую квартиру.

Потом она выходила замуж за бизнесмена, но тот стал требовать, чтобы Эля родила ему детей. После аборта родить она не могла, и когда, доведенная до отчаяния, однажды призналась ему, почему это произошло, он сам собрал в чемодан ее вещи, велел шоферу отнести их в машину и отвезти Элю на вокзал. При этом сказал, чтобы тот купил ей билет до любого города, который она назовет.

Последним ее мужем был архитектор. Он все время что-то чертил, рисовал не то здания, не то средневековые замки, непрерывно курил и рассыпал пепел по всему полу, который потом приходилось подметать. Эля Семеновна прожила с ним четыре года, и ей казалось, что попавшему в ад Данте было легче. Того хотя бы не заставляли готовить обеды, стирать грязные носки, заваривать среди ночи и приносить в кабинет кофе. Но самым ужасным было то, что, вылезая перед утром из-за чертежной доски и отряхивая с себя пепел, новый муж шел к Эле, которая в это время видела самые сладкие сны, и требовал от нее выполнения супружеских обязанностей. Чтобы избавиться, как считала Эля Семеновна, от гнусных притязаний, она купила бутылку водки дворнику, и тот, опохмелившись, врзал в спальню английский замок, открывавшийся только изнутри.

Почти два года у нее шла борьба с мужем, которого она не пускала в спальню. Сначала он страшно ругался, стучал кулаками и пинал ногой дверь, потом понял всю тщетность своих усилий и к утру стал напиваться прямо в кабинете. Умер он около ее двери. Эля сначала слышала его яростные крики и стук кулаков, потом раздался глухой звук падающего тела, и все стихло. Эля подумала, что он слишком много выпил. Прележав после этого в постели почти час и так и не заставив себя уснуть, она осторожно приоткрыла дверь и услышала не то хрип, не то храп. Архитектор лежал на полу с почерневшим лицом, высоко задрав подбородок. Эля закрыла дверь, легла в постель и сразу же уснула. Когда она проснулась, архитектор был мертв.

Эля Семеновна поставила на его могилу мраморный памятник по эскизу, который еще при жизни выполнил он сам. Памятник походил на раскрытую книгу; приходя на кладбище, Эля Семеновна садилась на согретую летним солнцем маленькую мраморную скамейку и сочиняла ненаписанные страницы. Это была история ее выдуманной жизни, которая никогда не стала явью. Она представляла себя то в Париже, куда приехала на конференцию вместе с несуществующим мужем, то в африканской саванне, где, держась за руку Бабу Мпензы, прохаживалась с ним между львов, пожиравших ее горящими глазами.

Иногда, глядя на страницы каменной книги, она ни о чем не думала. Просто слушала птиц, смотрела на зеленые березы, окружавшие кладбище, и чувствовала необыкновенную умиротворенность, заполняющую душу. Особенно она любила слушать звонкий и чистый голос кукушки. Когда та роняла с высокого дерева свое первое “ку-ку”, Эля Семеновна, замирая, как в детстве, и свято веря в народную примету, начинала считать, сколько лет непрожитой жизни отводит ей лесная птица. И почти всегда выходило, что жить ей еще очень долго. Эля Семеновна радовалась этому, вытягивала ноги, подставляя их солнцу, и мечтательно смотрела вдаль. Только здесь, на теплой каменной скамейке кладбища, она ощущала себя по-настоящему счастливой. Здесь ни о ком не надо было заботиться, никто не мешал светлomu течению ее мыслей.

Однажды она вспомнила неожиданную встречу со своей школьной подругой Светланой Барановой, приехавшей на родину навестить престарелую мать. Оказывается, она вышла замуж за Эдика Стрекалова, переехала с ним в соседнюю область, родила от него двух сыновей и дочку. Эдик содержит небольшую авторемонтную мастерскую, а Светлана занимается домашним хозяйством.

— Дочка вышла замуж на втором курсе, сейчас родила, я сижу с внуком, — сказала Светлана, и Эля Семеновна увидела, как радостно заблестели ее глаза. — Такой смышленный мальчишка, наглядеться не могу. А ты-то как?

— Недавно похоронила мужа, сейчас еду на кладбище, — вздохнула Эля, поняв, что та до сих пор любит своего Стрекалова и безумно счастлива этим.

Ей почему-то стало жаль Баранову, погрязшую в семейных делах и, по всей видимости, до сих пор не узнавшую, что такое настоящее счастье. Больше говорить было не о чем, и они расстались.

Сейчас, сидя на скамеечке, Эля Семеновна подумала о том, что, если бы Эдик Стрекалов погиб в какой-нибудь катастрофе в то время, когда они с ним еще дружили, она бы все эти годы ходила на его могилу, приносила цветы и вот так же слушала голос далекой кукушки. И, может быть, прожила бы совсем другую жизнь. Она бы уже столько лет приезжала сюда на святую родительскую субботу, опускалась на маленькую теплую скамеечку и думала о чем-то высоком. Вот только о чем конкретно, Эля Семеновна не знала.

АХ, ЗАЧЕМ ЭТА НОЧЬ...

РАССКАЗ

Тимофей Иванович сквозь сон услышал звонкий, похожий на серебряный колокольчик, девичий смех, осторожно открыл глаза и уставился в потолок. В окно лился ровный, голубоватый лунный свет. Самой луны не было видно, она уже поднялась и теперь висела высоко над крышей, источая на землю потоки своего отражения. На белой стене выделялся четкий темный квадрат шифоньера. На другой стене с легким шелестом тикали часы. Впервые это тиканье он обнаружил прошлой ночью. Сначала не мог понять, откуда оно идет. Тикают обычно ходики или механический будильник. А у него часы работали от батареек и никаких звуков издавать не должны. Утром он долго смотрел на них, пытаясь выяснить механизм тиканья. Потом понял: звук издаваладвигающаяся по циферблату секундная стрелка. Он удивился, что не замечал этого раньше.

Не обращая внимания на тиканье, он прислушался, снова ожидая услышать девичий смех. Но, кроме звука часов, в комнате раздавалось только тихое посапывание спавшей на другой кровати жены. Из-за окна не доносились ни голоса, ни смеха. Это-то больше всего истораживало. Если девчонка под окном не смеется, значит, шепчется или целуется с парнем. А от поцелуев совсем недалеко до беды. Тимофей Иванович, сам не зная почему, вдруг стал переживать за нее, словно за собственную дочь.

Девичий смех среди ночи он услышал неделю назад, сразу после того, как под окнами поставили скамейку. До этого ее не было, и старушки из подъезда все время выговаривали домуправу за то, что им негде посудачить.

Но, выходит, что скамейка была нужна не только им. Когда Тимофей Иванович впервые услышал девичий смех, тут же стал соображать, кому бы он мог принадлежать. В его подъезде девчонки были или еще слишком маленькими, чтобы сидеть под окнами с женихами, или уже поковыскаивали замуж, и теперь им было не до обнимок и вздохов под лунной. Он старался представить ту, которая каждую ночь нарушала его сон, но не мог. Однажды он приподнялся на руках и попытался дотянуться до окна, чтобы разглядеть в лунном свете смеющуюся девчонку, но тут же понял, что ему это не под силу. До окна было не менее двух шагов, а ноги у Тимофея Ивановича после случившегося два месяца назад инсульта не ходили.

Он горестно вздохнул и прикрыл глаза. Немошь настолько угнетала, что однажды он собрался наложить на себя руки. День и ночь лежать полутрупом, не вставая с постели, было выше его сил. Тем более что врач никакого реального улучшения не обещал. Повторял только одно: надо надеяться, в медицинской практике всякое бывает. “Теперь уже поздно надеяться, — думал Тимофей Иванович. — Было бы мне двадцать лет, тогда бы другое дело. А в шестьдесят откуда взяться здоровью?” Он настолько исстрадался, что ни в какое свое выздоровление уже не верил. Отсюда и пришло желание уйти из жизни.

Тимофей Иванович уже собрался исполнить свое намерение, благо жена ушла и в квартире кроме него никого не было, но в это время заскрипел ключ входной двери и он увидел на пороге дочку. Она словно прочитала его мысли. Подошла, молча села на кровать и, запустив руку в его шевелюру, посмотрела в глаза. Никогда раньше Тимофей Иванович не видел такого пронзительного и тоскливого, царапающего за самую душу взгляда. И он понял, что если наложит на себя руки, исковеркает жизнь дочери. Она привыкла быть рядом с отцом, сиротство ее убьет. Даже такой немошный, он оставался для нее опорой. После этого он стал думать только о жизни.

Сейчас, глядя в потолок, Тимофей Иванович пытался представить, о чем могли говорить влюбленные. Он словно сам садился на скамейку под окном, вдыхал будоражащий запах молодого и здорового женского тела, смотрел счастливыми глазами на ту, от одного взгляда которой начинало неровно стучать сердце. Тимофей Иванович всю жизнь старался понять, почему это происходит с мужчиной всякий раз, когда около него оказывается понравившаяся ему женщина, но никаких разумных доводов этому не находил. Ведь сотни женщин, многие из которых не просто смазливые, а по-настоящему красивые, пройдут мимо, и ни на одну из них мужик даже не обратит внимания. А потом вдруг увидит такую, что сразу замрет душа. Только оттого, что она рядом, что на нее можно смотреть, слушать ее голос, человек становится счастливым. Что это? Волшебство или стрела Аполлона, как называли любовь древние греки? Да и что такое любовь?

Тимофей Иванович посмотрел на спящую жену, на рассыпавшиеся по подушке темные шелковистые волосы, на ее тонкую белую руку, лежащую поверх одеяла, и вдруг ощутил к ней такую нежность, что у него защемило сердце. Ему захотелось, как это не раз было раньше, обнять ее, прижать к себе, уткнуться лицом в мягкие волосы. Но он не мог дотянуться до нее. Да если бы и дотянулся, представил, как жена сначала тяжело вздохнет, потом моргнет несколько раз ничего не понимающими глазами и с недоумением уставится на него. Ругаться не будет, но при случае беззлобно кольнет: “Вечера тебе не хватило”. А при чем тут вечер? Чувство не разбирает ни времени, ни места. Когда нахлынет, тогда и нахлынет. И никакого спасения от него не найдешь. Главное, чтобы оно соединило души, было одинаковым у обоих. А то ведь один любит другого до такой степени, что готов раствориться в нем, а тому от этой любви ни холодно ни жарко.

Вот и эти двое на скамеечке — сидят и прижимаются друг к другу. Девчонка наверняка полушепотом тараторит о каких-нибудь пустяках, а парень, сопя и прилипая к ней губами, блудливой рукой пытаясь залезть под тонкую кофточку. Никаких других мыслей у него, подлеца, быть не может. Не видя и не зная его, Тимофей Иванович был почему-то убежден в этом. Он представил, как парень вздрагивающей рукой пробирается к груди девушки,

нахмурил брови, сразу посмурнев лицом, и откинул одеяло, чтобы снова попытаться встать с постели. Ему хотелось любым способом помешать греху, но в это время под окном опять раздался чистый девичий смех, и у него отлегло от сердца. Если девушка смеется так искренне, значит, никаких худых умыслов по отношению к себе не чувствует.

“Господи, как быстро пролетает человеческая жизнь, — подумал Тимофей Иванович. — Давно ли сам вот так же сидел на скамеечке, замирал от счастья, обнимая свою девчонку, а теперь думаю о вечном”.

Ему вспомнилось, как он впервые встретил Валу, свою будущую жену, на танцах в городском саду и остолбенел, не в силах сдвинуться с места. Ему бы надо было сказать что-то, пока она не успела уйти, а у него отнялся язык. Иногда раньше он не видел такой красивой девушки. Он смотрел на нее и чувствовал, как от макушки до пяток разливается сковывающая все тело робость, сердце вдруг замерло, а дыхание остановилось. Он словно умирал от ее взгляда, причем делал это с радостью потому, что в это мгновение даже умереть ради нее было для него счастьем. И он бы умер, если бы не заметил, что, глядя на него, она тоже оцепенела и тоже не может сдвинуться с места. А потом они пошли танцевать, и он кружился с ней, не чувствуя себя, и напросился провезать ее домой.

Столько лет прошло, а он до мельчайших подробностей помнит ту встречу. Темную ночь с запахом росы из палисадников, тусклые, почти невидимые над головой звезды и такую тишину, что боязно произнести слово. Пересилив себя, он взял ее за тонкие холодные пальцы и увидел, как резко она повернула к нему лицо и вся напряглась, не сделав попытки высвободить руку. Так они и дошли до ее дома. “Почему именно это осталось в памяти? — думал Тимофей Иванович. — Может быть, потому, что из таких мгновений и состоит счастье?”

А потом была свадьба, рождение сына и дочери, связанные с работой переезды из одного города в другой. Но это даже не замечалось, потому что рядом была Валя, взявшая на себя все семейные заботы и оставившая ему только работу, которая позволяла содержать семью. И его почти никогда не покидало ощущение счастья. Оно было в ее улыбке, в ее лучистых глазах, в ее тепле, когда она обнимала за шею и прикасалась к нему губами. Особенно внимательной она была, когда что-то не ладилось с работой или над семейным благополучием сгустились тучи. “Ты у меня умный, — любила повторять она, — и всегда найдешь выход из самого трудного положения”. И эта поддержка была дороже любой помощи. Вот почему вся жизнь, которая, по сути, почти закончилась, показалась ему легкой.

Тимофей Иванович вздохнул и закрыл глаза. Вспомнил дочку, когда она была совсем маленькой, ее пухленькие ручки с тонкими пальчиками, которые все время хотелось поцеловать, топот босых ног по голому полу — и это тоже было счастьем. Несчастье обрушилось, когда дочка вышла замуж, родила сына, а потом собралась расходиться с мужем. Уличила его в измене, закатила скандал, и он, признавшись во всем, стал просить у нее прощения. Настоящий мужик никогда не поступит так, подумал тогда Тимофей Иванович. Даже если тебя поймали за ноги, но ты не признался, все это останется лишь подозрением, а не состоявшимся фактом. Подозрение забудется, измена — никогда. Признаться можно только себе и никому другому. Если, конечно, не хочешь уходить от жены. Это он и сказал зятю, когда тот пришел к нему и попросил уговорить Дашу не разводиться. Уговорить удалось, но полного счастья в их семейной жизни так и не наступило. Недоверие к мужу осталось у дочки на всю оставшуюся жизнь. Недаром, когда становится трудно, она в первую очередь бежит к отцу. Именно он остался для нее единственной опорой.

“А какая я теперь опора? — с горечью подумал Тимофей Иванович. — Сломанный костыль, который и приспособить-то некуда. Был опорой, теперь стал обузой”. Но он тут же отбросил эту мысль. После того, как дочь помешала ему уйти из жизни, он понял, что опираться можно не только на физически здорового человека. Моральная поддержка иногда значит гораздо больше...

Спать уже не хотелось, он смотрел в потолок и думал. Вроде не так давно был молодым, не так давно радовался детям, а такое ощущение, словно пережил несколько эпох. Да так оно, в сущности, и было. Всю жизнь мотался по великим стройкам, проектировал самые мощные в мире нефтяные и газовые магистрали, составлял технико-экономическое обоснование освоения промышленной зоны Байкало-Амурской магистрали и все надеялся, что пройдет еще пять-десять лет, и он вместе со всей страной заживет счастливой жизнью. Осядет в хорошем городе, все свое время будет отдавать семье и детям, потому что чувствовал в душе столько неизлитой любви к ним, что впору было покаяться. Он вспомнил, как возвращался из дальних странствий домой, почему-то чаще всего глубокой ночью или перед утром, добирался с аэродрома на такси, а жена босиком и в одной ночной сорочке уже ждала его у порога, словно знала, что он появится именно в эту минуту. Тимофей Иванович обнимал ее — теплую, еще не отошедшую ото сна, зарывался лицом в ее волосы, тыкался горячими губами в ее губы. Потом осторожно, на цыпочках, подходил к детской, приоткрывал дверь, смотрел на сладко посапывающих во сне сына и дочь и, обняв жену, шел с ней в спальню. И это тоже были минуты счастья.

А теперь его работа стала никому не нужна, уплыли мечты о хорошем городе, остаться пришлось там, где застал развал государства. Года два Тимофей Иванович жил в постоянном стрессе, не видя цели дальнейшего существования, а потом решил: если мы не сумели сохранить то, что завоевали и построили, значит, надо сделать так, чтобы дети вернули себе все это. Но именно на детей направили главный удар разрушители Отечества. С осатанелой настойчивостью они начали крушить вековую мораль, превращая человека в животное. Потому что тогда и поступать с ним можно будет, как со скотиной.

Телевизор невозможно стало смотреть. Весь стыд, который раньше прятали в самых темных глубинах души, вывернули наизнанку. Причем все это обрушили на женщину. Всю мощь государственной пропаганды направили на то, чтобы убить в ней материнский инстинкт, превратить из жены и хранительницы семейного очага в объект сексуального удовлетворения. И, можно сказать, добились этого. Проституция для сотен тысяч женщин — уже профессия.

Тимофей Иванович делал все, чтобы новая жизнь не задела дочь. Узнав о ее размовке с мужем, он несколько дней не мог найти себе места. А когда она, вся в слезах, пришла к нему, обнял ее за плечо, по-отечески поцеловал в висок и сказал:

— Знаешь, Дашка, почему у вас это происходит? — она подняла на него мокрые глаза и затаила дыхание. — Потому, что завели одного ребенка и на этом строительство семьи посчитали законченным. Один ребенок еще не семья. Надо как минимум трех.

— Ты шутишь? — она шмыгнула носом. — В наше-то время?

— В наше время и надо заводить детей. Кто защитит твоего Ваньку? На нашу землю столько желающих, что одному ему не отбиться.

Дочка замолчала, промокнула глаза платком, потом сказала, пожав плечами:

— Может быть, ты и прав.

А недавно сообщила ему, что ждет второго ребенка. Врачи сказали — будет дочка. У сына тоже дочка, так что одну внучку Тимофей Иванович уже имеет, теперь будет ждать другую...

Он снова вздохнул и посмотрел в окно. Луна переместилась за крыши соседних зданий, на небе четче проступили звезды. За окном была тишина; и, сколько ни напрягал слух Тимофей Иванович, со двора в комнату не доносилось ни одного звука. Он подумал, что влюбленная парочка покинула скамейку и разошлась по домам, но вдруг услышал с улицы тихий разговор. Такой тихий, что если бы не открытая форточка, его не было бы слышно. Слов, конечно, не разобрать, но Тимофея Ивановича почему-то обрадовало, что влюбленные до сих пор не ушли. Значит, им трудно расстаться, значит у них это серьезно.

Он не мог понять, почему совершенно незнакомая девчонка вдруг стала ему такой близкой. Наверное, потому, что устал смотреть на разоренные семьи и беспризорных детей. Многие молодые женщины уже не хотят выходить замуж. Он сам знает такую, она живет в их подъезде всего двумя этажами выше. Симпатичная, стройненькая, умеющая и одеваться, и вести себя с определенным достоинством. Ей уже под тридцать, а о замужестве не хочет и слышать. Встречается с каким-то мужчиной, ночует у него иногда раз в неделю, а иногда и реже, и ее это вполне устраивает. Причем ни от кого не скрывает этого. Тимофей Иванович, когда еще ходил, спросил как-то, столкнувшись с ней в лифте:

— Ты что это, Марина, так долго не приглашаешь меня на свадьбу? Ведь состарюсь скоро.

— А я не собираюсь замуж, Тимофей Иванович, — сказала она, смеясь. — Во-первых, мужиков хороших почти не осталось, а во-вторых, пойдут дети, зачем лишняя обуза?

— Но ведь Бог создал женщину для того, чтобы продолжать род человеческий, — заметил он.

— Это все высокие слова. Сейчас о продолжении рода никто не думает. Один день прожил — и то счастлив.

— Да нет, — возразил Тимофей Иванович. — Без собственных детей полноценного счастья человеку не обрести.

— Были бы вы лет на двадцать помоложе, вышла бы за вас, — все так же смеясь, сказала Марина. — Отбила бы вас у жены.

Тимофей Иванович хотел продолжить разговор, но в это время лифт остановился, и ему пришлось выходить. Он пожалел, что не удалось договорить до конца. Сказать же он собирался одно: не хочешь замуж, тогда хотя бы родила себе ребенка, пока не поздно. Жить станет труднее, а душа обретет спокойствие. В доме появится человечек, которому можешь отдать свою любовь. И который будет отвечать тебе тем же. Без любви у человека не жизнь, а существование.

Сейчас, глядя в потолок, он думал о том, что никакие его слова на Марину, скорее всего, не подействовали бы. Семья должна быть внутренней потребностью женщины, ее инстинктом, а у Марины его нет. Она уже живет другими ценностями, давно вытравив из себя все душевные терзания. Их заменили личное благополучие и сытая жизнь. Марина уже никогда не сможет стать ни хорошей женой, ни матерью. “Господи, в кого же у нас превратили женщину?” — закрыв глаза, с горечью думал Тимофей Иванович.

Ему вдруг вспомнилась давняя телевизионная передача из Чечни. Показывали не то какой-то гараж, не то сарай, где у ног свободолюбивых вайнахов лежала связанная русская девушка. Ее рот был заклеен липкой лентой. Чеченцев было пять или шесть. Они о чем-то говорили на своем языке, потом один из них взял нож, одной рукой задрал девушке подбородок... У Тимофея Ивановича в тот миг чуть не остановилось сердце. Он судорожно сомкнул глаза, нащупал кнопку выключателя, едва не столкнувшись мерзкий “ящик” с журнального столика. Если бы он мог, сам с автоматом в руках пошел мстить бы этим выродкам! Но больше всего его поразила ведущий телепередачи. Он не высказал ни слова сочувствия девушке, ни слова осуждения убийцам.

От этих воспоминаний зануло в груди. Жена постоянно говорила о том, что нельзя принимать все так близко к сердцу. Иначе можно просто свихнуться. Когда она, так же как и Тимофей Иванович, впервые услышала смех за окном, сказала:

— Все это заканчивается одним и тем же. Сначала смеются, а потом утирают слезы.

— А может, это любовь? — возразил Тимофей Иванович. — Может, еще такая пара будет, что другим останется только завидовать.

— А ты уже переживать начал? — с ехидной ноткой в голосе спросила жена. — Тебя переживания вон до чего довели... О себе думай.

Тимофей Иванович вздохнул и посмотрел в темное окно. И тут ему показалось, что оттуда раздался не то стон, не то приглушенный крик о помо-

щи. Он замер, напряженно вслушиваясь в предутреннюю тишину. За окном снова раздались непонятные звуки. Перед глазами вдруг встала девчонка, которой перед телевизором перерезал горло чеченец. Тимофей Иванович почувствовал, как сорвалось и бешеной дробью забарабанило сердце. Не ощущая себя, он встал с кровати, сделал два шага к окну и, оперевшись руками на подоконник, попытался посмотреть вниз, на скамейку. Она была в полумгле, но он увидел на ней два силуэта. Парень обнимал девушку за плечо, уткнувшись лицом в ее волосы. Он или говорил ей что-то, или осторожно целовал в голову.

Тимофей Иванович так увлекся, что не заметил, как встала жена, подошла к нему и, остановившись в шаге от окна, спросила дрожащим голосом:

— Тима, милый, ты начал ходить?

Только сейчас он осознал, что сам, без всякой помощи, встал с постели и сделал два первых шага. Он неуверенно развел руки и сказал:

— Ну да. Ты же видишь...

— А зачем ты выглядывал в окно? — спросила жена.

— Песню вспоминал, — сказал Тимофей Иванович. Он посмотрел на жену счастливыми глазами и протянул к ней руки. — “Ах, зачем эта ночь так была хороша...” Помнишь?

— Конечно, помню, — сказала жена, обхватила Тимофея Ивановича и, прижавшись щекой к его груди, почему-то заплакала.